

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.7>

Осиповский Семен Николаевич, Белоглазов Роман Николаевич

**ЧАСТНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ВОЗВЕДЕНИЮ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ В СЕВАСТОПОЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В статье анализируется процесс строительства культовых сооружений в Севастополе во второй половине XIX столетия с широким участием отдельных благотворителей и представителей этноконфессиональных общин города. Установлено, что предложение и реализация соответствующих инициатив обуславливались необходимостью как восстановления пострадавших в годы Крымской войны, так и возведения новых храмов и церквей, что было связано с удовлетворением духовных запросов растущего населения города, отличавшегося конфессиональным многообразием. Благоприятным фоном для этого стал общий экономический подъем, вызванный либеральными реформами Александра II.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/3/7.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 43-48. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94; [2-463-523.4:69](470-14)«18»
<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.7>

Дата поступления рукописи: 28.01.2019

В статье анализируется процесс строительства культовых сооружений в Севастополе во второй половине XIX столетия с широким участием отдельных благотворителей и представителей этноконфессиональных общин города. Установлено, что предложение и реализация соответствующих инициатив обуславливались необходимостью как восстановления пострадавших в годы Крымской войны, так и возведения новых храмов и церквей, что было связано с удовлетворением духовных запросов растущего населения города, отличавшегося конфессиональным многообразием. Благоприятным фоном для этого стал общий экономический подъем, вызванный либеральными реформами Александра II.

Ключевые слова и фразы: Севастополь; обер-прокурор; Святейший Синод; Т. В. Васильчикова; В. И. Феолого; православие; караимы; римо-католики.

Осиповский Семен Николаевич, к. полит. н., доцент
Белоглазов Роман Николаевич, к.и.н.
Севастопольский государственный университет
simosip@gmail.com; belovr73@mail.ru

ЧАСТНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ВОЗВЕДЕНИЮ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ В СЕВАСТОПОЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства г. Севастополя, проект «История взаимоотношений религиозных общин и органов государственной власти в Севастополе (1783-2017 гг.)» № 18-49-920003.

Севастополь с момента основания формировался как город со своей социально-культурной спецификой, распространявшейся и на конфессиональную сферу. Первоначально организационные условия для полноценного функционирования религиозных общин и соответствующих церковных приходов создавались одновременно со строительством военно-морской инфраструктуры с приоритетом удовлетворения духовных запросов военнослужащих. В дальнейшем возведение культовых сооружений проходило на плановой основе, учитывая рост населения и становление архитектурного облика нового городского пространства.

В течение XIX в. город пережил два основных этапа в своем становлении и развитии, рубежом которых стала Крымская война. В довоенный период сформировался его архитектурный стиль, было построено несколько церквей, которые подверглись разрушению или сильно пострадали во время первой обороны. Во второй половине столетия Севастополь постепенно восстанавливался, стал динамично развиваться в социально-экономическом и культурном отношении. В это время инициативы и проекты о возведении новых культовых сооружений исходили не только от администрации города и командования Черноморским флотом (далее – ЧФ), а также от представителей отдельных религиозных общин, сословий, частных лиц и этноконфессиональных групп.

История проектирования и возведения наиболее известных храмов Севастополя XIX в. исследована сравнительно хорошо. Историографии государственно-конфессиональных отношений в регионе в 1783-2017 гг. посвящена отдельная публикация, в которой констатируется, тем не менее, наличие значительных лакун в изучении данной темы [4]. В частности, ограниченная источниковая база на региональном уровне для реконструкции истории развития Севастополя в исследуемый период и его конфессиональной составляющей требует для дальнейшей разработки темы выявления и введения в научный оборот новых документальных материалов из центральных архивохранилищ.

Анализ соответствующих документов, хранящихся в фондах Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), позволяет более полно исследовать ряд соответствующих сюжетов, выявить и осветить ранее неизвестные факты из истории наиболее значимых храмов города разной конфессиональной принадлежности, что определяет **новизну** данной работы.

Цель статьи – проанализировать развитие и характер отношений между религиозными общинами Севастополя и органами местной и центральной власти в процессе реализации проектов по строительству новых культовых сооружений, которые были инициированы частными лицами и отдельными этноконфессиональными группами во второй половине XIX в.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения исторического опыта формирования регионального конфессионального пространства, роли и значения в этом процессе органов государственной власти, частной инициативы отдельных жертвователей и благотворителей, представителей разных этноконфессиональных групп и сословий. В 1990-е гг. на территории большинства постсоветских стран начался процесс разработки и реализации новой конфессиональной политики на основе принципов свободы совести и подлинной секуляризации, характерных для цивилизованных демократических государств. В связи с этим принимались нормативно-правовые акты о реституции национализированной при СССР церковной собственности. Возврат храмов и церквей верующим и духовенству в некоторых случаях растянулся

на многие годы и сопровождался определенными правовыми и общественными коллизиями. Так, передача севастопольским католикам здания, где находился закрытый при советской власти костел Св. Климента, состоялась только в 2018 г. Для адекватного и справедливого разрешения подобных ситуаций необходим анализ и изучение разнообразных исторических источников, которые позволяют пролить свет на обоснованность претензий и требований конкретных религиозных общин и конфессий.

Одним из главных факторов, влиявших на строительство культовых сооружений в Севастополе на протяжении XIX в., был демографический, что выражалось в создании новых церковных приходов в зависимости от роста численности населения. Так, по данным главы Екатеринославской епархии (создана в 1775 г. и включала территорию Крыма епископа Иова (Я. П. Потемкина)) на 1814 г., для удовлетворения религиозных запросов православных верующих в городе было достаточно двух церквей – Петропавловской на центральном городском холме и Адмиралтейского собора во имя Святителя Николая Чудотворца с числом прихожан соответственно 515 и 2651 человек [8, д. 5246, л. 3].

Ситуация стала меняться в первой половине 1840-х гг., когда городское население достигло уровня более 60 тыс. человек и закономерно актуализировался вопрос о строительстве новых храмов. В связи с этим в 1841 г. главный командир ЧФ и портов вице-адмирал М. П. Лазарев в донесении начальнику главного морского штаба А. С. Меншикову отмечал, что «недостаток в церквях в Севастополе весьма ощутителен» [7, д. 333, л. 19 об.].

Именно по этой причине М. П. Лазарев инициировал проектирование и возведение в центральной части города нескольких новых культовых зданий. Во-первых, капитальной перестройки Петропавловской церкви (с 1839 г.), старое здание которой было разрушено ураганом, и Владимирского собора (с 1844 г.), под строительство которого была выделена площадка на центральном городском холме. Во-вторых, в 1848 г. «по ветхости и непрочности» был демонтирован Адмиралтейский собор во имя Святителя Николая, который затем перестраивался заново в течение нескольких лет. На это время при нем была возведена временная каменная церковь во имя Архангела Михаила [15, д. 105, л. 10].

Указанные инициативы М. П. Лазарева были примером того, как своевременно пыталось реагировать на удовлетворение духовных потребностей жителей растущего города и военнослужащих командование ЧФ и руководство других ведомств. Всего перед Крымской войной в Севастополе и его окрестностях с Балаклавой было 14 православных храмов (7 подчиненных епархии и 7 – военному ведомству), Балаклавский Георгиевский монастырь, Херсонесская и Инкерманская киновии, караимская молельня, католическая и лютеранская церкви, синагога и мечеть [3, с. 55].

После подписания Парижского мирного договора перед органами государственной власти стал вопрос о восстановлении в Севастополе уничтоженных или пострадавших в ходе боевых действий культовых зданий. Уже в первой декаде мая 1856 г. правящий епископ Херсонской епархии (создана в 1837 г., включала территорию Крыма) Иннокентий (И. А. Борисов) подготовил докладную записку о состоянии городских церквей, находившихся на территории, временно захваченной силами противника. В этом документе были даны характеристики разрушений, нанесенных войной, а также кощунственных целенаправленных действий оккупантов.

От попаданий артиллерийских снарядов и возникших пожаров очень сильно пострадала Петропавловская церковь, от которой остались одни стены. При этом владыка Иннокентий отметил: «...обезображенные бессмысленными надписями и карикатурами, для Святых оскорбительными. В ней ни пола, ни дверей и окон. Ни где либо во всем здании куска дерева, все сгорело или выломано. В таком же труднопоправимом виде и церковный дом, все в нем кроме камня уничтожено пожаром или хищною рукою. Мраморные статуи Св. апостола Петра и Павла, стоявшие при входе в Церковь, сняты и похищены. От церковной каменной ограды уцелела только третья часть. Колокольня разрушена до основания» [14, д. 7801, л. 1 об.].

В аналогичном состоянии находилась и церковь Всех Святых на городском кладбище, в разрушении которой исключительную роль играли действия солдат противника. В частности, в докладной архиепископа по этому поводу говорилось: «Кладбищенская Всех Святых Церковь совершенно разорена не выстрелами от коих повреждений по всему зданию немного, а рукою неприятеля, крыша снята, полы и окна выломаны. Святые изображения на внутренних стенах искажены, например у святых выколоты глаза и проч. Оба дома кладбищенские не существуют, ограда каменная, коею обнесено было все кладбище, уцелела только в нескольких местах. С мраморных надгробий памятники, или другие сколько-нибудь ценные и изящные все побиты не случайно от выстрелов, а с намерением всячески повреждены, между тем как кресты деревянные и памятники из простого камня целы и на месте, колодец при кладбищенской церкви также разрушен» [14, д. 7801, л. 2].

Остальные храмы, расположенные в центре и на Корабельной стороне города, почти все были уничтожены, о чем правящий епископ резонно заметил: «Из Церквей из Севастополя военных: Госпитальной морской, Владимирской и Михайловской – приданных к Адмиралтейскому Собору, – полковых – Белостокской и Брестской существуют одни развалины» [Там же, л. 2 об.]. Однако самый главный храм города – собор во имя Св. Николая (Адмиралтейский), капитально перестроенный перед Крымской войной, пострадал незначительно и, по мнению архиепископа Иннокентия, мог стать первой церковью города, подготовленной для возобновления богослужений.

На основании представленной докладной записки, а также другой информации, Священный Синод в июне 1856 г. своим указом распорядился разработать владыке Иннокентию и главному (обер) священнику армии и флота предложения по организации восстановительных работ храмов Севастополя с определением необходимых для этого материальных ресурсов [Там же, л. 1].

В условиях, когда возможности государства были в значительной степени ограничены вследствие хозяйственных потерь в годы Крымской войны, а в стране проходил сложный процесс подготовки к масштабным социально-экономическим реформам, некоторые севастопольцы, способные самоорганизоваться и пожертвовать личные средства, стали инициировать предложения по строительству новых культовых сооружений или их восстановлению.

Так, в сентябре 1857 г. группа городских купцов из 12 человек во главе с почетным гражданином И. М. Красильниковым подготовила на имя военного губернатора Севастополя контр-адмирала П. М. Вукотича ходатайство о разрешении построить за счет добровольных пожертвований временную церковь на ул. Морской. После согласования с руководством военного ведомства этого вопроса архиепископ Херсонский Димитрий (К. И. Муретов) в декабре 1857 г. распорядился освятить место для возведения соответствующего храма во имя Св. Апостолов Петра и Павла, который просуществовал до 1905 г. [3, с. 56].

В том же году севастопольская мещанка Ф. Фалеева обратилась к обер-прокурору Священного Синода графу А. П. Толстому с прошением о строительстве за свои средства каменной часовни недалеко от городского рынка. После консультаций с владыкою Димитрием Синод принял решение отклонить это ходатайство, так как действовавшие правовые нормы разрешали возведение часовен только возле святых мест или для временных молитв. При этом Ф. Фалеевой было рекомендовано обратиться «на содействие к восстановлению в Севастополе церковью Петропавловской и Кладбищенской» [9, д. 50, л. 4].

Указанные благородные начинания и предложения были не единственными прецедентами в Севастополе. В частности, один из первых православных храмов города – церковь Всех Святых, расположенная на кладбище, – восстанавливалась за счет финансирования бердянским церковным старостой, купцом 1-й гильдии И. К. Пикиным. Соответствующие работы продолжались в течение нескольких лет, и храм был освящен 5 октября 1859 г. [1, с. 350].

Кроме предложений частных лиц по возведению культовых сооружений в городе, следует отметить их участие в финансировании соответствующих проектов, реализуемых государством. Так, княгиня Татьяна Васильевна Васильчикова (вдова Иллариона Васильевича Васильчикова) в 1863 г. распорядилась высылать по 12 тыс. рублей в год в течение 4 лет на строительство собора во имя Св. Николая на Братском кладбище (Северная сторона), на котором проводились массовые и индивидуальные захоронения участников обороны Севастополя 1854-1855 гг. Император Александр II, узнав о таком щедром финансовом пожертвовании, собственноручно написал на докладной записке с изложением обстоятельств и мотивов этого поступка: «Принимаю с благодарностию» [5, д. 331, л. 4]. В свою очередь, командующий ЧФ и военный губернатор Николаева вице-адмирал Б. А. фон Глазенап, осуществлявший общее руководство строительством собора, в письме к Т. В. Васильчиковой выразил благодарность «за такое пожертвование в пользу храма, к окончанию которого в настоящее время уже не имелось никаких денежных средств» [Там же, л. 5 – 5 об.].

По мере восстановления города и оздоровления общей экономической ситуации в государстве в 1870-80-е гг. стал расти уровень благосостояния населения в целом и отдельных этноконфессиональных групп в частности, которые традиционно проживали в Крыму и Севастополе. Наиболее динамично в этот период развивалась сеть православных приходов и соответствующих культовых зданий, что было следствием большой численности последователей Русской православной церкви и приоритетного внимания к этому вопросу со стороны государства. В 1885 г. непосредственно в городе действовали 4 епархиальные церкви и 3 приписанные к военному ведомству, подчинявшиеся главному священнику армии и флота [1, с. 350]. На фоне улучшения материального положения наиболее состоятельные представители соответствующих религиозных общин продолжали поднимать вопросы о строительстве новых храмов, которые предполагалось финансировать за счет собственных средств и добровольных пожертвований.

В 1886 г. потомственный почетный гражданин Севастополя греческого происхождения, купец 1-й гильдии В. И. Феолого предложил построить на Красильниковой площади церковь вместимостью до 400 человек. Соответствующее ходатайство было подано на рассмотрение в Таврическую епархию (создана в пределах Таврической губернии в 1859 г.) в сопровождении документов от севастопольского градоначальника и городской управы, которые не возражали против возведения храма [13, д. 491, л. 1-4]. Однако строительство церкви потребовало внесения изменений в план города, что находилось в компетенции Министерства внутренних дел (далее – МВД). При этом у городских властей были определенные сомнения по поводу готовности В. И. Феолого завершить заявленный проект, а не ограничиться только декларациями о намерениях [Там же, л. 2].

Учитывая высказанные замечания, МВД провело консультации со Священным Синодом по поводу личности самого купца, сомнения в отношении которого были развеяны положительными отзывами со стороны архиепископа Таврического и Симферопольского Мартинаиана (М. С. Муратовский). В свою очередь, В. И. Феолого обратился непосредственно к обер-прокурору Священного Синода К. П. Победоносцеву с телеграммой следующего содержания: «Будучи преклонных лет и болезненного состояния, осмеливаюсь просить распоряжения Вашего Превосходительства об ускорении решения дела о разрешении мне строить церковь в Севастополе» [Там же, л. 5]. В ответ обер-прокурор сообщил, что не имел никаких возражений против его инициативы и уже уведомил об этом министра внутренних дел.

Строительные и отделочные работы обошлись в сумму 75 тыс. рублей, продолжались в течение нескольких лет, и в конечном итоге греческая церковь во имя Трех Святителей (ул. Артиллерийская) была освящена 17 августа 1890 г. [3, с. 57].

В первые десятилетия после Крымской войны представители епархиального духовенства неоднократно обсуждали вопрос о необходимости восстановить Петропавловскую церковь на центральном городском холме. Однако характер и масштаб разрушений храма значительно усложняли как возможные строительные работы, так и попытки разобрать оставшиеся полуразрушенные стены, что в обоих случаях требовало больших денежных сумм, острый дефицит которых ощущался в сильно пострадавшем от войны регионе. Как и в случае с рядом других, почти уничтоженных в ходе военных действий православных церквей Севастополя, решить проблему стало возможно только благодаря участию состоятельных мирян, которые могли пожертвовать для этого личные средства. Оказали такую помощь благотворители и меценаты, известные в Крыму купцы и подрядчики С. Л. Кундышев-Володин и его зять А. А. Максимов (будущий севастопольский голова). В 1889 г. на их денежные пожертвования (60 тыс. рублей) церковь во имя Св. Апостолов Петра и Павла была восстановлена [17, с. 54]. Однако религиозные службы в ней начались только в 1901 г.

Экономический подъем в Российской империи после реформ Александра II способствовал росту благосостояния, в том числе и представителей неправославных этноконфессиональных общин, что также нашло свое выражение в инициативах и проектах по строительству культовых зданий соответствующей религиозной принадлежности. Так, в начале 1880-х гг. Таврический и Одесский гахам (светский и духовный глава караимов) С. М. Пампулов обратился от лица севастопольских единоверцев в Святейший Синод «с ходатайством о разрешении построить в г. Севастополе караимскую синагогу, на избранном обществом караимов месте» [10, д. 274, л. 1]. Согласно представленному проекту, кенасса должна была находиться на одной из улиц центрального городского холма на расстоянии 65 сажен от Владимирского собора (усыпальница адмиралов).

В указанный период караимы представляли сравнительно немногочисленную часть жителей города (в 1880-е годы около 500 человек при общей численности населения около 40 тысяч (10,5 тысяч личный состав войск гарнизона и флота)) [2, д. 5, л. 6-9]. Тем не менее представители караимской общины играли важную роль в жизни Севастополя, занимая выборные должности в системе городского самоуправления, были заметны своей активностью в предпринимательской деятельности.

Исходя из действующего законодательства, регламентировавшего строительство синагог в Российской империи, Священный Синод указал на необходимость изменить проект, так как культовое здание иудейского вероисповедания могло находиться на расстоянии не менее 100 саженей от православного храма. Получив ответ, С. М. Пампулов обратился с повторным ходатайством, отметив, что статьи соответствующих нормативных актов распространялись исключительно на еврейские синагоги, и не имели отношения к караимам, которые, по его мнению, пользовались всеми правами, предоставленными российским подданным.

В феврале 1882 г. Синод принял окончательное решение по этому вопросу со следующей формулировкой: «...закон, предоставляя караимам все права русских подданных, не освобождает их от действия законов, ограждающих права господствующего вероисповедания» [10, д. 274, л. 4 об.]. В результате решение было найдено благодаря покупке другого земельного участка на Большой морской улице, где в 1896 г. было начато возведение будущей кенассы.

Необходимость строительства своего храма была также актуальна для римо-католической общины, которая была одной из самых значительных в городе. Уже в 1840-е гг. рост численности католиков в Севастополе (около 3500 человек) [6, д. 422, л. 47], среди которых было немало военнслужащих, поставил вопрос перед командованием ЧФ о постройке за государственные средства новой церкви, так как их молитвенное помещение находилось в очень ветхом казенном здании. Для решения этой проблемы был разработан соответствующий проект, подготовлена смета для финансирования, однако в силу разных причин к возведению костела так и не приступили.

После Крымской войны католических культовых сооружений в городе не осталось, и верующие были вынуждены для участия в религиозных службах выезжать в Симферополь. В 1880-е гг. в Севастополе и его окрестностях проживало около 1000 католиков, в армии и на флоте числилось 938 [11, д. 128, л. 3]. В связи с острой необходимостью местная католическая община в 1885 г. организовала без официального разрешения каплицу (часовню) в частном доме Цима.

В ходе дальнейшего согласования вопроса между севастопольским градоначальником и управляющим Тираспольской римо-католической епархией, в состав которой входили католические приходы в Крыму, удалось достичь определенного компромисса. В частности, в марте 1889 г. МВД дало разрешение на обустройство небольшого молитвенного помещения часовни без колоколов и назначения особого священника. В результате новая каплица была создана на втором этаже частного дома Чернецкого, а службы в ней проводил приезжавший из Симферополя ксендз.

В 1890 г. католическая община через севастопольского градоначальника обратилась с ходатайством к министру внутренних дел «в ознаменовании чудесного события 17 октября 1888 года» спасения царской семьи во время крушения императорского поезда у станции Борки под Харьковом построить за собственные средства костел во имя Св. Александра [Там же, л. 1]. Для получения полной информации товарищ министра, сенатор В. К. Плеве обратился к обер-прокурору Священного Синода К. П. Победоносцеву, который по сложившейся практике в таких случаях сделал запрос в адрес руководства Таврической епархии.

Архиепископ Мартиниан в своем ответе дал следующее заключение: «...с открытием там костела и определением постоянного причта к оному неминуемо возникнет и пропаганда и вмешательство

католического духовенства в религиозную жизнь православных» [Там же, л. 4]. Руководство Синода согласилось с этими аргументами, вследствие чего прошение католиков было отклонено.

Повторно вопрос начал актуализироваться во второй половине 1890-х гг., когда в 1896 г. по ходатайству жены начальника 13 дивизии генерал-лейтенанта Д. П. Дохтурова в Севастополь из Одесского военного округа был назначен ксендз Ф. А. Козловский. Относительная многочисленность городской религиозной общины во главе со своим духовным пастором закономерно привела к тому, что в сентябре 1898 г. католики в очередной раз обратились в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД с просьбой о разрешении построить костел во имя Св. Климента.

Новый правящий епископ Таврический и Симферопольский Николай (М. З. Зиоров) воспринял эту инициативу без принципиальных возражений. В частности, он отметил, что «католическое богослужение, совершаемое на латинском языке, совершенно непонятно для русских людей, не может иметь на них вредного влияния» [12, д. 92, л. 8 – 8 об.].

Городская католическая община также предприняла попытку заручиться поддержкой реализации своего проекта среди первых лиц государства. В декабре 1898 г. во время пребывания в Севастополе царской семьи Николаю II через императрицу Александру Федоровну было подано соответствующее прошение. Несмотря на то, что рассмотрение вопроса фактически находилось на уровне высших органов власти, его согласование по-прежнему требовало значительного времени. Так, обер-прокурор К. П. Победоносцев только в августе 1900 г. сообщил в МВД о том, что не имел возражений по поводу удовлетворения ходатайства севастопольских католиков о постройке костела [Там же, л. 9]. В свою очередь, МВД поставило в известность севастопольского градоначальника о положительном решении этого вопроса в декабре 1900 г. [16, с. 115]. Именно с этого момента у верующих появилась возможность начать подготовку строительных работ и сбор необходимых денежных средств.

Таким образом, отношения между органами государственной власти и религиозными общинами Севастополя во второй половине XIX в. имели свои определенные особенности. События Крымской войны привели к разрушениям практически всех городских храмов, что требовало проведения масштабных восстановительных работ. В послевоенных условиях, когда возможности государства были значительно ограничены, заметным явлением стали частные инициативы по финансированию возведения новых культовых сооружений на основе добровольных пожертвований. По мере восстановления экономики и ее динамичного развития под влиянием реформ Александра II шло накопление ресурсов как в государственном, так и частном секторе, и это благоприятно сказывалось в том числе и на процессе храмового строительства в городе. Севастополь и ЧФ постепенно преодолели последствия послевоенной разрухи, что способствовало росту численности военнослужащих и городского населения, которое отличалось этноконфессиональным разнообразием. Традиционно ведущей по числу верующих и приходов в Севастополе оставалась Русская православная церковь, в восстановлении культовых сооружений которой в указанный период принимали активное участие не только государственные структуры, но и отдельные благотворители. Особенно примечательной в этом плане была деятельность представителей купеческого сословия: И. М. Красильникова, И. К. Пикина, В. И. Феолога, С. Л. Кундышев-Володина и А. А. Максимова.

На данном фоне последователи караимской и католической общин выступили также с инициативами возведения новых храмов за счет своих средств. Все всегда первоначально эти предложения воспринимались адекватно со стороны региональных и центральных органов власти, учитывая определенные общественно-политические и правовые нюансы, связанные с положением этих религиозных меньшинств в стране. Однако в целом толерантная конфессиональная политика, проводившаяся в Российской империи, позволяла со временем найти компромиссные решения, благодаря которым в центральной части Севастополя, кроме православных храмов, были построены кенасса и католический костел во имя Св. Климента. Эти факты свидетельствуют о том, что отношения государства и религиозных конфессий, независимо от вероисповедания, выстраивались на конструктивной взаимоуважительной основе, что было характерной особенностью регионального развития.

Список источников

1. **Гермоген (Добронравов)**. Таврическая епархия. Псков, 1887. 524 с.
2. **Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя** (ГКУ АГС). Ф. 18. Оп. 1.
3. **Крестьянников В. В.** Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. науч. статей. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. С. 55-59.
4. **Осиповский С. Н., Белоглазов Р. Н., Шимберева Е. В.** Отечественная историография взаимоотношений религиозных общин и органов государственной власти на территории Севастопольского региона (1783-2017 гг.) // Манускрипт. 2018. № 11 (97). Ч. 2. С. 211-221.
5. **Российский государственный исторический архив** (РГИА). Ф. 651. Оп. 1.
6. РГИА. Ф. 733. Оп. 78.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 119.
8. РГИА. Ф. 797. Оп. 2.
9. РГИА. Ф. 797. Оп. 27.
10. РГИА. Ф. 797. Оп. 51.
11. РГИА. Ф. 797. Оп. 60.
12. РГИА. Ф. 797. Оп. 69.

13. РГИА. Ф. 799. Оп. 16.

14. РГИА. Ф. 806. Оп. 3.

15. РГИА. Ф. 1284. Оп. 188.

16. Спесивцева Л. В. Римско-католический костел в Севастополе // Культура народов Причерноморья. 2003. № 46. С. 115-118.

17. Терещук Н. М. Роль представителей торгового сословия в религиозно-правственных устоях г. Севастополя в XIX веке // Причерноморье. История, политика, культура. 2011. Вып. VII (III). Серия Б. С. 53-58.

PRIVATE INITIATIVES TO CONSTRUCT RELIGIOUS BUILDINGS IN SEVASTOPOL IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Osipovskii Semen Nikolaevich, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor

Beloglazov Roman Nikolaevich, Ph. D. in History

Sevastopol State University

simosip@gmail.com; belovr73@mail.ru

The article analyses the process of religious buildings construction in Sevastopol in the second half of the XIX century with the wide participation of individual philanthropists and representatives of the ethno-religious communities of the city. It is ascertained that the suggestion and implementation of the corresponding initiatives were conditioned by the need to restore those cathedrals and churches that suffered during the Crimean War and to erect new ones. It was connected with the satisfaction of spiritual needs of the city growing population, which was distinguished by confessional diversity. The general economic boom caused by the liberal reforms of Alexander II became a favourable background for it.

Key words and phrases: Sevastopol; Ober-prosecutor; Holy Synod; T. V. Vasilchikova; V. I. Feologo; Orthodoxy; the Karaimes; the Roman Catholics.

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 11.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.8>

Данная статья посвящена анализу оценок деятельности органов местного самоуправления провинциальной либеральной печатью, проводимому в контексте проблемы формирования гражданского общества в России. В работе на основе привлечения малоиспользованных источников, а именно изданий гласного белгородской городской думы Павла Ивановича Барышникова, автором выявлены его оценки различных аспектов деятельности городских властей – процедуры выборов, голосования, механизм принятия решений, эффективность их работы, персональные характеристики и др.

Ключевые слова и фразы: российская провинция; Курская губерния; Белгород; либеральная печать; П. И. Барышников; городское самоуправление; гражданское общество.

Шевченко Оксана Владимировна, к.и.н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

shevchenko_o@bsu.edu.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Г. БЕЛГОРОДА В ОЦЕНКАХ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПУБЛИЦИСТА П. И. БАРЫШНИКОВА

В начале XX столетия в Российской империи происходил процесс модернизации, который, по оценкам исследователей, был сопряжен с формированием институтов гражданского общества, причем в числе одного из самых значимых институтов называется общественное мнение [18, с. 168; 21, р. 226]. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. легальные возможности для выражения взглядов российской общественности существенно расширились, при этом весьма важным коммуникативным каналом здесь выступала печать, особенно оппозиционная. Она получила распространение не только в крупных центрах с более или менее развитой урбанизированной культурой, но и в провинции, где, как правило, было укоренено традиционное мировоззрение. В современной исторической науке уже затрагивалась проблема роли провинциальной прессы в формировании гражданского общества и подчеркивалась её значимость [20]. В этой связи несомненный научный интерес представляет обращение к новым конкретно-историческим примерам деятельности оппозиционной печати в российской провинции как формы проявления гражданской активности. **Целью** настоящего исследования является анализ основных тем, распространенных в оппозиционной печати дореволюционного уездного города, а также оценка роли и значения провинциальной прессы в общественной жизни (на примере города Белгорода Курской губернии).

К началу XX столетия Белгород представлял собой типичный уездный город аграрной глубинки, где из более чем двадцати трех тысяч жителей около половины составляли мещане [17, с. 45]. Общественно-политическая жизнь здесь протекала вяло, однако в 1915 г. один из богатых жителей города – гласный